

Борис Верхоустинский

Идиллия

Борис Алексеевич Верхоустинский

Идиллия

Аннотация

«За стеною пробило восемь часов.

Валерий вытянулся и проснулся. Мельком взглянул на клавиши ремингтона на столе, потом заинтересовался узором обоев. Преуморительные кружки – голубые и красные; как звенья цепи... А в середине черные точки...»

Борис Верхоустинский

Идиллия

За стеною пробило восемь часов.

Валерий вытянулся и проснулся. Мельком взглянул на клавиши ремингтона на столе, потом заинтересовался узором обоев. Преуморительные кружки – голубые и красные; как звенья цепи... А в середине черные точки.

Однако, холодновато: проклятая хозяйка, вероятно, вместо дров кладет в печку свои сорокалетние мечты. Негодная баба.

У Валерия похолодел кончик носа, а ноги – как две ледяшки.

Стал искать носки, – не находит. Не на стуле ли? Нет: юбка, штаны, кофточка, лиф и жилетка, а носки бесследно исчезли.

– Неужели под кроватью?

И вдруг взор Валерия останавливается на единственном украшении комнаты – портрете Бакунина в ореховой рамке.

– О, разбойница... Она их закинула!

Из-за рамки выглядывает заштопанная пятка носков.

– Хорошо-с!

Валерий смотрит на розоватое лицо подруги, на кудряшки темно-русой косы, и думает, что не дурно бы ее поцеловать в эти алые губки или в закрытые глаза с длинными ресни-

цами-стрелками, но Маруся поворачивается во сне спиной к своему другу, и Валерий вспоминает бесповоротное решение.

– Хорошо-с.

Он энергично прикладывает подошвы своих ног к теплым ногам подруги, она просыпается.

Возмущенная, негодующая, разгневанная:

– Как это глупо!

– Недостойно мыслящего человека!

– Ты дурак!

И говорит голосом, холодным, как подошва Валерия:

– Издевайся! Издевайся... Я ведь слабее тебя.

Потом замолкает, смертельно оскорбленная и надменная, как средневековая принцесса.

Никогда! Никогда она этого ему не простит. Никогда она этого не забудет. Напрасно он ее принимает за какую-то самку, с которой можно все делать. Нет-с, гражданка она... Возьмет сейчас – оденется и уйдет, и ему не видать ее, как своих ушей!

– Милая! – отчаивается Валерий, – прости: ей-Богу, нечаянно; родненькая, не сердись...

Но нет, – она нема, как могила.

Совесьть угрызает Валерия: что я наделал! Боже, что я наделал!

Продолжительное молчание, преисполненное терзаний.

Валерий хочет сплутовать, он говорит спокойным голо-

сом, словно ничего не случилось:

– Какая прекрасная статья в последнем номере журнала...

Гм! О синдикатах... Удивительная статья!

Но тщетно: ни звука, ни слова.

Тогда Валерий начинает задабривать разгневанную гражданку...

– Маруся, хочешь, я вычищу твои башмаки? Они порыжели.

Но нет и нет: вырыта яма, зарыто все прошлое, ласковое и сердечное. Валерий представляет себе, как одевается маленькая гражданка, как она уходит, не попрощавшись с ним, и как он становится одиноким:

«Один! Один! Ужасно ведь это».

– Не мучай меня, родная, – умоляет он, а коварная подруженька прислушивается, зарывшись кудрявой головой в подушки, и торжествует.

– «Любит, негодный, любит!»

Валерий продолжает раскаиваться, и в словах его уже неподдельное горе.

– Довольно! – решает оскорбленная принцесса, повертывается лицом к печальному Валерию и строго произносит:

– Дай укушу твое плечо.

– Милая! – радуется Валерий, мужественно расстегивая ворот рубашки и обнажая плечо, – валяй.

Грехопадение и искупление греха.

Острые зубки медленно впиваются в тело. Но сладка эта

боль Валерию.

... Скоро порвется кожа и брызнет красная кровь. Валерий терпеливо ждет, крепко стиснув зубы и с сияющей улыбкой на лице.

А в Марусе спорят два человека – сердитый и ласковый, – оба живут в ее юном сердечке и вечно ссорятся между собой.

– А вот и укушу-у-у...

– Больно ему, не надо... хороший ведь он.

– А зачем обидел?

Но ласковый человек вынимает из кармана носовой платок и собирается заплакать.

– Какая злая! Какая злая... ай-ай-ай, какая злая.

Белые зубки разжимаются, на плече остается лишь ярко-красный венчик.

Целуются и хохочут. Толстый кот стремительно выскакивает из-под одеяла, где он спал, – веселая хозяйка дернула его за хвост.

– Вставай, негодник! Вставай, вороватый кот!

Кот спускается на пол, вскакивает на стул около стола – и начинает приводить в порядок свой туалет. Лижется-умывается, чистит дымно-серую шубку и белые туфельки, такие округленные, бархатные, но с целой коллекцией острых когтей.

– А я уже на этого плута подумал, – говорит Валерий про носки, – а потом хотел отплатить тебе, когда увидел.

– Я тебе отплачу! – смеется маленькая гражданка и кладет

голову на грудь Валерия:

– Рассказывай сказки!

– Помилуй, родная, пора вставать.

– Чепуха! Прошу не противоречить. Рассказывай сказки.

И зажмуривает глаза.

Что с ней поделаешь?! – Валерий гладит шелковую голову подруги и рассказывает ей сказки.

– Лес... И в лесу темно, и в лесу дикая воля. Глухой-глухой лес. Стучит-гудит, говорит стародавние былины. О кладах, зарытых в древние времена, о серой птице, потерявшей своего птенчика.

– ...У тебя растут золотые усики, – шепчет маленькая гражданка, приподняв голову и всматриваясь в лицо своего покорного друга, – ну, дальше.

– Шумит-гудит вещей лес: «внуки мои, слушайте древнего меня!» – Из нор выползают серые волки, а граф-медведь сидит у своей берлоги и почесывает правого лапой брюхо: «слушаем, слушаем, дедушка-Бор!»

– Кунигунда ждет своего Оскара...

– Кунигунда ждет своего Оскара, – задумчиво качают головами волки, а граф-медведь почесывает лапою брюхо и, шумно отрыгнув, важно повторяет: «ждет своего Оскара».

– Оскара, – шепчет маленькая гражданка, проводя пальчиком по верхней губе любимого.

– Но Оскар не приходит, Оскар позабыл. Не гремит железный меч, задевая о сучья, не стучат стрелы в его медном

колчане, не стонет хворост под его ногами... «Внуки мои, слушайте древнего меня!» – Плачет Кунигунда, и вянут цветы от ее горя, и осыпается листва с кряжистых дубов. Оскар позабыл, Оскар не приходит. – Бедная Кунигунда!.. «Бедная Кунигунда!» – качают головами серые волки, граф-медведь чешет правую лапой брюхо, а левую утирает горькую слезу.

– Бедная! Б-б-бе-едная К-к-уни-ггунда! – всхлипывает он.

– ...Под раскидистым дубом, на ясной поляне, лежит Оскар со стрелою в широкой груди, и вороны клюют его светлые очи.

– Внуки мои, слушайте древнего меня – это было давно...

– Все! – смеется Валерий, а его шаловливая союзница задумчиво смотрит в его глаза и шепчет: «Я твоя Кунигунда. Зови меня Кунигундой».

– Пора вставать, дорогая.

– Сейчас.

Тут они замечают грабителя-кота, сидящего на столе, около ремингтона, и поедающего оставленное без крышки масло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.